

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Российские самодержцы

<Фрагмент>

**НИКОЛАЙ I
АПОГЕЙ САМОДЕРЖАВИЯ**

I

Военно-династическая диктатура

Время Николая I — эпоха крайнего самоутверждения русской самодержавной власти в ту самую пору, как во всех государствах Западной Европы монархический абсолютизм, разбитый рядом революционных потрясений, переживал свои последние кризисы. Там, на Западе, государственный строй принимал новые конституционные формы, а Россия испытывает расцвет самодержавия в самых крайних проявлениях его фактического властвования и принципиальной идеологии. Во главе русского государства стоит цельная фигура Николая I, цельная в своем мировоззрении, в своем выдержанном, последовательном поведении. Нет сложности в этом мировоззрении, нет колебаний в этой прямолинейности. Все сведено к немногим основным представлениям о власти и государстве, об их назначении и задачах, к представлениям, которые казались простыми и отчетливыми, как параграфы воинского устава, и скреплены были идеей долга, понятой, в духе воинской дисциплины, как выполнение принятого извне обязательства.

В течение всей жизни, не только в официальных заявлениях начала царствования, но и позднее, даже в личных письмах, Николай

повторял, при случае, что императорская власть свалилась на него неожиданно, будто он не знал заранее, как порешен вопрос о престолонаследии между старшими братьями. Получается впечатление, что он частым повторением этой легенды, которую сам же счел нужным пустить в оборот, хоть она и не соответствовала действительности, довел себя до того, что почти ей поверил¹. Он хотел считать ее верной по существу: она хорошо выражала его отношение к власти как к врученному ему судьбой «залог», который он должен хранить, беречь, укреплять и передать в целостности сыну-преемнику. Далекий от той напряженной работы мысли, которая заставляла Екатерину подыскивать теоретические оправдания этой власти, а брата Александра искать ее согласования с современными политическими идеями и потребностями, он держится за нее, как за самодовлеющую ценность, которая вовсе и не нуждается в каком-либо оправдании или пояснении. Самодержавие для него — незыблемый догмат. Это вековое наследство воспринималось им, однако, в иной, конечно, культурно-исторической оболочке, и на иной идеологической основе, чем те, с какими оно появлялось в стародавней Московской Руси, средневековой родине этого политического строя. Традиции самодержавия, в которых воспитан Николай, особенно ярко характеризуются двумя чертами, выработанными заново в русской правящей среде конца XVIII века, — укреплением его династической основы и развитием его военно-армейского типа.

Русская императорская династия сложилась только во времена Павла I; династию эту в Германии называли Голштейн-готторпской, но она титуловала себя «домом Романовых», больше по национально-политической, чем по кровной связи со старым царствовавшим родом, подобно австрийским Габсбургам, которые также только по женской линии происходили от своих «предков». Династическое право «царствующего дома», еле намечавшееся при первых Романовых, не могло установиться в XVIII веке, когда верховная власть оказалась в полном подчинении у господствовавшего дворянского класса, а престолом распоряжался его высший слой руками гвардейских воинских частей. К концу XVIII века определилось и окрепло положение России в международном обороте Европы. Внутри страны обострялись противоречия ее экономического быта и общественного строя, назревала потребность в их обновлении для высвобождения производительных сил страны из тяжких пут «старого порядка». А жуткие потрясения

пугачевщины породили в настроениях господствующего класса тягу к усилению центральной власти ради укрепления сложившегося «порядка» и подавления грозных порывов социальной борьбы. Обе эти тенденции, друг другу противоположные, создавали благоприятную обстановку для самоутверждения верховной государственной власти как вершительницы судеб страны.

На рубеже XVIII и XIX столетий эта власть организуется заново в административной реформе, усилившей централизацию управления, и в «основном» законодательстве, цель которого — утвердить государственно-правовое положение монархии и династии. Такую задачу разрешил Павел в узаконениях 1797 года, «Общим актом» о престолонаследии и «учреждением» об императорской фамилии он создал новое династическое право. Притом оба эти акта объявлены «фундаментальными законами империи»².

Преемник ряда случайных фигур на императорском престоле, а сам — отец многочисленного семейства (4 сына и 5 дочерей), Павел чувствовал себя настоящим родоначальником династии. «Умножение фамилии», в которой утвердится правильное наследие престола, он ставит, с большим самодовольством, на первое место среди «твердых оснований» каждой монархии и считает необходимым, как «начальник фамилии», определить, наряду с «утверждением непрерывных правил в наследии престола», положение всей «фамилии» в государстве и внутренний ее распорядок. В этом законодательстве Павла, построенном по образцу «домашних узаконений» (Hausgesetze) немецких владетельных фамилий, императорская династия впервые получила свое определение. Весь ее состав — и мужской и женский — во всех его линиях и разветвлениях потомства объединен возможным, предположительно, правом на престол по порядку, предусмотренному с крайней подробностью уже не «домашним», а «фундаментальным» законом империи. Вся «фамилия» резко выделена из гражданского общества. «Императорская фамилия», «царствующий дом» с той поры — особая организация, все члены которой занимают совершенно исключительное положение вне общих условий и публичного и гражданского права. Это выделение династии еще усилено дополнением, какое сделал Александр I в 1820 году, по случаю женитьбы его брата Константина на графине Иоанне Грудзинской (кн. Лович)³: династия может пополняться только путем браков ее членов с лицами, принадлежащими также к какому-нибудь владетельному роду; в противном же случае этот брак, граждански

законный, является политически незаконным, т. е. не сообщает ни лицу, с которым вступил в брак член императорской фамилии, ни их детям никаких династических прав и преимуществ.

Эти законодательные постановления отражали ряд бытовых явлений. «Фамилия» жила своей особой жизнью, в узкой и замкнутой придворной и правящей среде, оторванная и отгороженная множеством условностей от русской общественной жизни и вообще от живой русской действительности. Особый склад получили внутренний быт, воззрения и традиции этой семьи, полурусской не только по происхождению, но и по родственным связям. Двор родителей Николая был в бытовом отношении под сильным немецким влиянием, благодаря вюртембергскому родству императрицы, голштинскому наследству и прусским симпатиям Павла.

Известно значение «прусской дружбы» во всей жизни и деятельности Александра. Родственные чувства и отношения царской семьи охватывали, кроме русских ее членов, многочисленную родню прусскую, вюртембергскую, мекленбургскую, саксен-веймарскую, баденскую и т. д. и т. д., связи с которой создавали новую опору европейскому значению русской императорской власти и переплетались с ее международной политикой. Фамильно-владельческие понятия немецких княжеских домов сильно повлияли на русские династические воззрения. Николай вырос в этой атмосфере, она была ему своя и родная. Эти связи углубились и окрепли с его женитьбой в 1817 году на дочери Фридриха-Вильгельма III Шарлотте, по русскому имени Александре Федоровне. Тесть стал ему за отца. Родного отца он, родившийся в 1796 году, почти не знал; к брату-императору, старшему его на 18 лет, относился с чувством скорее сыновним, чем братским, но близок к нему никогда не был. Воспитание младших Павловичей было всецело предоставлено матери, Марии Федоровне. Благоговейно усвоил Николай политические заветы Александра эпохи Священного союза, но без той интернационально-мистической подкладки и тех мнимо либеральных утопий, какими Александр их усложнял⁴. Николай усвоил и принял только то из этих заветов, в чем сходились Александр с Фридрихом-Вильгельмом, которого память он чтит всю жизнь и которого в письмах к его сыну и преемнику, любимому брату императрицы, Фридриху-Вильгельму IV, называл не тестем, а отцом. Прусский патриархальный монархизм в соединении с образцовой воинской дисциплиной и религиозно-нравственными устоями в идее служебного долга и преданности традиционному строю отношений — прельщали его, как основы

тех «принципов авторитета», которые надо бы (так он мечтал) восстановить в забывающей их Европе. Их он понимает, когда ссылается на дорогие ему заветы «отца» — Фридриха — и брата Александра, которых он только верный хранитель. В русскую придворную среду и вообще в петербургское «высшее» общество входит, с этих пор, все усиливаясь, немецкий элемент. Роль Ливенов и Адлербергов началась с того, что их родоначальницам (в составе «русской» аристократии) поручено было первоначальное воспитание младших Павловичей⁵. Среда остзейского дворянства — с ее аристократическими и монархическими традициями — стала особенно близкой царской семье в тревожный период колебания всего политического европейского мира. «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам», — говаривал Николай позднее, вскрывая с редкой откровенностью особый мотив своего благоволения к остзейским немцам. Курляндец Ламсдорф, бывший директор кадетского корпуса, стал воспитателем младших Павловичей, когда они подросли; жесткая грубость приемов кадетской педагогики привила Николаю немало усвоенных им навыков, для которых был, впрочем, и другой мощный питомник в его военном воспитании.

Монархическая власть милитаризуется повсеместно к началу XIX века, кроме Англии. Особенно сильно и ярко — в Пруссии и в России. Прусская военщина водворилась в быт русской армии при Петре III, заново — и в самых крайних формах — при Павле. В придворной и правительственной среде вельмож XVIII века сменили люди в военных мундирах и с военной выправкой; в дворцовом быту все глубже укоренялись формы плац-парадного стиля; во все отношения правящей власти проникают начала военной команды и воинской дисциплины. Властная повелительность и безмолвное повиновение, резкие окрики и суровые выговоры, дисциплинарные взыскания и жестокие кары — таковы основные приемы управления, чередуемые с системой наград за отличия, поощряющих проявлений «высочайшего» благоволения и милости. Служба и верность «своему государю» воплощают исполнение гражданского долга и заменяют его при подавлении всякой самостоятельной общественной деятельности: «гатчинская дисциплина», созданная Павлом и разработанная Аракчеевым, породила традицию далеко не в одной армейской области.

Школа воинской выправки многое выработала и определила в характере и воззрениях Николая. Есть известия, что императрица-мать пыталась ограничить военные увлечения

сыновей. Но успеха она не имела и иметь не могла. Слишком глубоко пустила эта военщина корни. На мучительных для войск тонкостях вахтпарада Александр отдыхал от тонкостей своей политики и сложности своих безнадежных политических опытов. Николай стал артистом воинского артикула, хотя и уступал пальму первенства брату Михаилу. Вышколенная в сложнейших искусственных приемах, дисциплинированная в стройности массовых движений, механически покорная команде, армия давала им ряд увлекательных впечатлений картинной эффектности, о которой Николай упоминает с подлинным восторгом в письмах к жене. «Развлечения государя со своими войсками, — пишет близкий ему Бенкендорф, — по собственному его сознанию — единственное и истинное для него наслаждение». Никакие другие переживания не давали ему такого полного удовлетворения, такой ясной уверенности в своей мощи, в торжестве «порядка» над сложными противоречиями и буйной самочинностью человеческой жизни и природы.

«Солдатство, в котором вас укоряли, было только данью политике», — писал Николаю декабрист из каземата крепости⁶. Слово «только» тут дань условиям, в каких письмо писано, но политика была в солдатстве Николая, как не мало было и солдатства в его политике. Оба элемента его воззрений и деятельности переплетались, срастаясь в органическое целое. Армия, мощная и покорная сила в руках императора, — важнейшая опора силы правительства и в то же время лучшая школа надежных исполнителей державной воли императора. Смотры и парады, воинские празднества, которым с таким увлечением отдавался Николай, не только «истинное наслаждение», но и внушительная демонстрация этой силы перед своими и чужими, а, быть может, всего более перед самим собой.

Не только фронтovou службу изучал Николай с большим увлечением и успехом. Он получил вообще солидное военное образование. Знающим и даровитым преподавателям и собственному живому интересу он обязан основательным ознакомлением с военно-инженерным искусством и с приемами стратегии. Эту последнюю он изучал практически на разборе важнейших военных кампаний, в частности войн 1814 и 1815 годов, и стратегических задач, например таких, как план войны против соединенных сил Пруссии и Польши или против Турции, для изгнания турок из Европы. Во время войн своего царствования он лично руководил

составлением планов военных действий и часто повелительно навязывал полководцам свои директивы. А строительное дело, притом не только военное, осталось одним из его любимых занятий: он не мало проводил времени за рассмотрением строительных проектов, вносил в них свои изменения, лично их утверждал, следил за их выполнением. Зато он скучал на занятиях юридическими и политическими науками; преподаватели, хоть и выдающиеся по глубине мысли и знаний, но плохие педагоги — Балугьянский и Шторх, — сумели только укрепить в нем отвращение к «отвлеченностям», что, впрочем, соответствовало его натуре и умоначертанию. Понятие «права» осталось чуждым мировоззрению Николая; юридические нормы для него — только законы как повеления власти, а повиновение им основано на благонамеренности подданных, воспитанных в благочестивом смирении перед высоким авторитетом. «Лучшая теория права, — говорил он, — добрая нравственность, и она должна быть в сердце не зависимой от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию». Лучше, чем теория «естественного права», которую ему внушал проф. Кукольник, подошли Николаю реакционно-романтические веяния немецкой политической литературы, столь ценимые в родственном ему Берлине. Отражением этих веяний была своеобразная доктрина, какую в 1848 году изложил Я. И. Ростовцев в «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений»⁷. Тут государственная власть получает значение высшего авторитета во всех общественных отношениях: верховная власть есть «совесть общественная», она для деятельности человека должна иметь то же значение, что его личная совесть для его внутренних побуждений; «закон совести, закон нравственный, обязателен человеку, как правило для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный, обязателен ему, как правило для его общественных отношений». Воля людей, составляющих общество, есть, по этой теории, элемент анархический, так как «в общежитии неизбежна борьба различных волей», а потому, «чтобы охранить общество от разрушения и утвердить в нем порядок нравственный», необходимо господство другой силы — верховной власти; она создает основания «общественной совести» своими узаконениями, задача которых — подавить борьбу различных стремлений и интересов, лиц и общественных групп во имя «порядка», квалифицируемого как «нравственный». Твердую опору этому «закону верховной власти» должно дать

церковно-религиозное воспитание юношества в «неограниченной преданности» воле отца небесного и в «покорности земной власти, как данной свыше». У Николаевского политического консерватизма была своя, достаточно цельная, психологическая и педагогическая теория. В них — моральная опора всевластия правительства как источника и общественного порядка, и нравственности, и культуры: вне государственного порядка — только хаос отдельных личностей.

Эта упрощенная и характерная для своего времени философия жизни была и личным мировоззрением Николая. «Здесь, — говорил он, объясняя мотивы своего преклонения перед прусской армией, — порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться; никто без законного основания не становится впереди другого; все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение: потому-то мне так хорошо среди этих людей и потому я всегда буду держать в почете звание солдата. Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит».

